

Этот начитанный муж поверг Ричарда II в изумление — он не ожидал, что чувства Генри к Марии окажутся настоящими. Честно говоря, мисс Мария не была красавицей, особенно на фоне Елизаветы, да и характер имела не сахарный.

Вскоре после свадьбы Ричард II издал указ, позволяющий брак мисс Марии и графа Оксфордского. Однако они дали клятву не приближаться к Лондону ближе чем на полшага без королевского вызова.

Мисс Мария была на седьмом небе от счастья — ей казалось, что отец наконец-то совершил нечто, обрадовавшее их обоих.

Даже мисс Елизавета не без зависти заметила:

— Когда же я наконец вырасту? — Ей тоже хотелось жить с Огюстом в Хэмптон-корте, не сталкиваясь ежедневно с причудливыми выходками короля.

Кромвель в итоге был казнён — на следующий же день после королевской свадьбы, без лишних церемоний.

Рафаэль лично наблюдал за казнью, бесстрастно взирая, как Кромвель поднимается на эшафот. Внизу бушевала толпа, полная ненависти к нему; в его же глазах горела ярость — к королю, к Англии, ко всему миру. В последний миг он ткнул пальцем в сторону Рафаэля и разразился хохотом — не от радости, а от животного страха перед смертью. Иные, охваченные ужасом, начинают смеяться. — Сегодня — я, завтра — ты! — крикнул он.

Слова эти прозвучали как проклятие, и с их отзвуком жизнь Кромвеля оборвалась.

Человек, некогда стоявший выше архиепископа Уолси, окончательно канул в историю, умудрившись и в смертный час произвести незабываемое впечатление.

Рафаэль же даже глазом не моргнул — на бряцание слабаков он никогда не обращал внимания.

Той же ночью Рафаэль возник у изголовья кровати Огюста.

Тот сперва вздрогнул, но тут же осчастливил и бросился в объятия Рафаэля:

— Я так по тебе скучал.

— Я тоже, — Рафаэль потрепал Огюста по голове.

— В эти дни я много о чём думал, — будучи заточенным в Хэмптон-корте, Огюст, когда не учился, только и делал, что предавался мечтаньям. Место стало до того скучным, что даже Джули и отец Джо покинули его — эти гуляки отправились на поиски веселья.

— Например?

— Ты не против, если я переделаю твой дом?

— Не против, — усмехнулся Рафаэль. — Но мы скоро переедем в дом побольше, так что масштаб твоих замыслов придётся расширить. Хочешь, я пришлю чертежи заранее?

— Да!

— Вообще-то, жить в Хэмптон-корте тоже неплохо...

— Боже, да почему у тебя такие холодные руки?! — Огюст лишь теперь заметил, насколько ледяными были пальцы Рафаэля, что было весьма странно для почти наступившего лета.

— А как думаешь, как я сюда попал? — у Рафаэля на всё всегда был готовый ответ.

— Э-э... Дворецкий тебя впустил?

— Я влез через балкон, моя Джульетта.

— !!! — Ты с ума сошёл? — не проронил Огюст, но синие глаза его высказали всё яснее ясного.

Рафаэль притянул Огюста ещё ближе, будто желая вжать в себя:

— Я собирался лишь посмотреть на Хэмптон-корт снаружи и уехать. Но когда карета остановилась, меня вдруг охватила такая тоска по тебе... Захотелось увидеться. Так что...

Рафаэль, редкий случай, поддался порыву — как и положено в его годы.

— Я не Джульетта, — Огюст вынужден был остудить пыл.

— Тогда Ромео? — Рафаэль, честно говоря, не знал толком, о чём история Ромео и Джульетты, лишь помнил, как Огюст в переписке язвил: «Неужто ты играешь в Ромео и Джульетту?».

— Нет! — Огюсту не нравился и Ромео.

— Тогда кем же ты хочешь быть?

— Я хочу жить с тобой. — Без разницы, большой дом или маленький, есть ли рыцари и хор или нет. Он просто хотел быть с Рафаэлем!

— Это желание подарило тебе Комнату Требования в Хогвартсе, — Рафаэль снова пошёл на уступку.

— А когда я смогу пользоваться ею в полную силу? — амбиции Огюста были велики.

— Когда вырастешь, — Рафаэль нежно поцеловал Огюста в лоб.

Четыре года спустя.

Весна ещё не вступила в права, но цветы уже робко пробивались на ветвях. Анна, жившая в Саутенд-он-Си, приняла самое важное решение в своей жизни — покинуть родной городок, в котором не была нигде, кроме него, проститься с родителями, выйти за пределы привычного мирка и отправиться вверх по Темзе в Лондон — навстречу будущему, туманному и неясному.

В прошлом году её брат получил в Лондоне сан епископа, и вся надежда семьи была теперь на него.

В рождественском письме он предложил Анне перебраться в Лондон. Анна была уже не девочкой — тринадцать лет, пора подумать о своей судьбе.

Остаться в патриархальной деревенской глуши, выйти замуж за сына соседа и влачить существование, не ведая мира, — или рискнуть, отправившись в столицу Англии, где её ждало либо лучшее, либо худшее.

Брат писал, что если она решится, он оплатит дорогу и содержание, а также устроит её на службу в дом к одному почтенному дворянину.

Так рыжеволосая Анна стала второй служанкой в доме графа Уэссекса.

Второй служанкой — но по сути старшей, ибо других служанок в доме почти не водилось, да и экономки не было. Говорили, виной всему — любовница графа, леди Джейн, женщина ревнивая до крайности: даже служанок не допускала близко к графу.

И что удивительно — граф с её причудами мирился.

Но странное дело: граф, хоть и души не чаял в леди Джейн, живя с ней под одной крышей, разделяя трапезы и досуг, позволяя ей щеголять в мужском платье и устраивать шумные вечеринки до утра, — так и не собирался жениться на ней.

— Потому что леди Джейн была лучшей подругой покойной графини, — судачила жена садовника. — Как у них совести хватило сойтись после того, как графиня с горя умерла?

Жена садовника рассказывала всё в деталях, но Анне почему-то казалось, что дело обстоит иначе.

Леди Джейн так тосковала по графине, что каждое утро начинала с того, что подолгу смотрела на её портрет, а вечером, невзирая на погоду, приходила проститься с изображением. Разве могла такая преданная душа предать подругу?

Честно говоря, за полгода службы в доме графа Анна заметила: отношения графа и леди Джейн не казались такими уж порочными, как о том судачили. Будь граф похотливым негодяем, пользующимся болезнью жены, — разве брат устроил бы её сюда в служанки?

— Вообще-то, Анна всегда дивилась: как её молчаливый брат, пусть и самый умный в городке, да, пожалуй, и во всём графстве, умудрившийся в такие молодые годы стать лондонским епископом, — как он мог познакомиться с графом?

Впрочем, о графе.

Не то чтобы Анна собой кичилась, но хороша она была необычайно, даже среди лондонских красавиц не затерялась бы, — однако граф всякий раз проходил мимо, не удосужившись взглянуть, глядя куда пристальнее на рыцарей, что ежедневно проезжали мимо его поместья.

— Чей это рыцарский отряд? — поинтересовалась Анна у жены садовника, что было для неё редкостью. Всё потому, что... всякий раз, завидев рыжего юного рыцаря, который ей непременно подмигивал, она чувствовала, как сердце начинает бешено колотиться, так что она боялась, как бы оно не выпрыгнуло из груди. После полугода таких обменов взглядами и улыбками Анна решила проявить инициативу первой.

<http://bllate.org/book/15929/1424215>